

— Время ММ.

Кавалер битловского ордена

Вчера в Большом театре начались гастроли балетной труппы лондонского «Ковент-Гардена».

Афиша весьма представительна и составлена на редкость осмысленно: «Балетные сцены» на музыку Стравинского призваны напомнить о столетнем юбилее основателя Королевского балета Фредерика Аштона, «Майерлинг» и одноактные «Древо Иуды», «Глория» и «Песнь о земле» принадлежат многолетнему руководителю труппы Кеннету Макмиллану, со дня кончины которого исполняется 10 лет. Есть в программе и образец современной британской хореографии — «Трист» Кристофера Уилдона.

Наш собеседник — солист «Ковент-Гардена» **ИРЕК МУХАМЕДОВ**, прославившийся еще в 80-е годы, как исполнитель партии Спартака в одноименном спектакле Большого театра.

— Как последний Спартак советской эпохи получил самую престижную в Британии театральную премию Лоуренса Оливье?

— Премию получил не я, а балет «Испуганные симметрией», который сделал для меня работавший тогда в Королевском балете хореограф Эшли Тейдж. Это была современная, хорошо сделанная хореография с качественными костюмами, дизайном, он был эффектный. Если говорить о заработанных мной по-настоящему наградах, то это ОВЕ, Орден Британской империи.

— Битловский орден?

— Битловский? Ха-ха-ха! Да, это немного похоже на народного артиста республики. После него я начал понимать, что Британия довольна тем, что я в ней работаю. Это дает дополнительные силы и энергию, ты понимаешь, что действительно принят в страну. Вот это очень приятно и чувствуешь себя привилегированным.

— Не хотелось бы выглядеть политкорректной, но вы впервые почувствовали себя прикрытым государством? Британской короной?

— Да.
— Давайте помянем детство. Что чувствовал в московской балетной школе мальчик, родившийся 8 марта?

— О, спасибо маме, чувствовал себя привилегированно. Всем девочкам приносили цветы, а мне — подарки, это было здорово.

— В недавнем интервью Ролан Пети вспоминал свою постановку «Сирано де Бержерак» 1988 года в Большом, где вы исполнили главную партию. Спектакль, как я понимаю, получился к обоюдному неудовольствию сторон? Что не совпало?

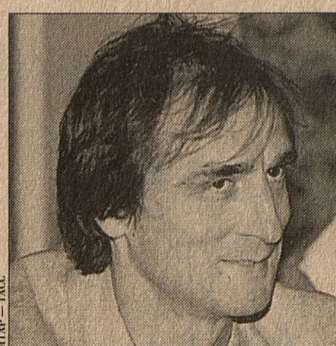
— Думаю, не совпали две гениальные личности — Ролан Пети и Григорович. Уверен, что, если бы Григорович ставил тогда свой балет у Ролана Пети в Марселе, то, наверное, Пети тоже сделал бы все для того, чтобы этого балета не было. После этого я много раз встречался с Роланом Петим, и всегда есть ощущение, что он не смог этой истории забыть. Но если бы у него была такая же ситуация, он бы поступил точно так, как тогда поступили с ним в России.

— А нынешняя реанимация балетов Григоровича в Большом — как вы думаете, к чему? Ведь у вас уникальный опыт работы — Большой театр с Григоровичем и ведущая западная труппа?

— Прелесть Королевского балета (а я практически всю карьеру на Западе работал в Королевском балете), что никак не связывается политика с искусством. Политика занимается политикой, искусство искусством. Поэтому сегодня уже трудно рассуждать, что тогда было правильно, а что — нет. Могу сказать только с творческой стороны: любой хореограф нуждается в поддержке и в том, чтобы его спектакли жили — чем больше они танцуются, тем дольше живут. А такие спектакли, как «Спартак» и «Иван Грозный» — хоть на моем примере, — растят танцовщиков, дают такую силу и энергию, которой хватает и на жизнь.

— Не считаете, что время спектаклей о сильных страстях ушло?

— Я не считаю, что «Спартак» и «Ивану Грозному»

пришло время покоем в нафталине. И той же самой «Раймонде». Поскольку это классика, я не считаю, что она нафталиновая. Жаль, что Григоровичу не дали возможности во время перестройки и гласности поставить спектакли, которые он собирался поставить. Если бы они получились, можно было бы рассуждать, какое сегодня творческое состояние труппы. «Спартак» идет мало, «Ивана Грозного» нет, «Щелкунчик»... Кстати, сколько я их ни видел во всем мире, мне по-прежнему больше всего нравится «Щелкунчик» Григоровича. Может, в него надо что-то добавить. Если бы, скажем, Юрий Николаевич дал возможность сделать этот спектакль на Западе — в него надо было бы ввести детей. Потому что на Западе это больше детский спектакль.

— Теперь в «Щелкунчике» Таранды танцуют дети.

— Да? Ну, мы же говорим о спектакле Григоровича, а не о постановке Таранды. У Григоровича много мысли, философии, юмора. Но детей не хватает.

— А та «Спящая красавица» в Вене, которую вы танцевали в постановке Нуреева? Вы контактировали с ним непосредственно как с хореографом?

— Да, конечно. Это же он посоветовал театру меня позвать, еще в 1989-м, из Большого; я танцевал у него в Париже, а там была забастовка, и, чтобы не терять времени, я учил «Спящую...» Рудольфа. Он позвонил в Вену и сказал, что есть Мухамедов, который может прямо сейчас ее станцевать.

— Можно считать, что он вас патронировал?

— Он патронировал много спектаклей и театров. Меня — нельзя говорить, что слишком уж патронировал, но о симпатии говорить можно. Я был воспитан в коммунистической семье, в том духе, что Барышников — Макарова — Нуреев предали страну. Я так и считал до тех пор, пока сам не решил, что настало время бежать. Когда я понял, почему люди это сделали и что реально они сделали на Западе, когда я лично с ними познакомился... Насколько же мы здесь, в России, были завалены чепухой! Эти люди прославляли русское искусство, русскую школу на Западе, положили свои кости и кровь на то, чтобы имя русского балета выросло на Западе, а мы говорили, что они — предатели и не пускали их на Родину. Это только в Советском Союзе было возможно. Естественно, они зарабатывали, но они заботились и переживали за балет, давали возможность танцевать другому поколению, передавая традицию и огромный репертуар.

— Нуреев не ревновал вас к сцене?

— Нет. Это скорее такая советская традиция.

— Не человеческая?

— Не думаю. На Западе все, в конце концов, решают деньги. Нуреев не задумывался над тем, что появился новый Мухамедов или Рузиматов, потому что до уровня Рудольфа Нуреева можно было пройти только через огонь, воду и десять медных труб. Его как любили, так и любили. Для меня он по-прежнему занимает самое высокое место на пьедестале балетного мира.

— Всего целиком?

— Не могу сказать, что в хореографии я бы со всем согласился, но Рудольф всегда хотел танцевать и жалел, что принцы так мало танцуют. Он дал себе возможность танцевать больше — почему бы и нет? А вообще-то я был очень удивлен, почему Нуреев пригласил меня после Спартака и Ивана Грозного танцевать «Спящую...».

2/3